

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Могильник Кюлялахти Калмистомяки можно определить как кладбище при погостском центре северо-западной периферии Новгородской земли XIV–XV веков. На всей этой территории в настоящее время известно крайне мало полноценно изученных памятников такого типа. До начала работ в Кюлялахти наиболее крупным по количеству обнаруженных погребений являлся могильник Патъя в Лапинлахти (ныне — Ольховка) в центре Карельского перешейка, где в 1938 году Э. Кивикоски изучила 23 захоронения, включая разрушенные, из которых, правда, только в двух — № 21 и 23 — были найдены артефакты. Всего же, по ее подсчетам, к моменту раскопок уже были разрушены около 50 захоронений [Kivikoski 1942: 79–87]. Очевидно, что по типу могильники Кюлялахти и Патъя сопоставимы и синхронны друг другу. Они были центральными и регулярными могильниками для относительно большой округи, функционировавшими на протяжении двух–трех столетий. В то же время крупнейшим по количеству зафиксированных захоронений, при которых присутствовали разнообразные артефакты, являлся могильник Ряйсяля Ховинсаари Тонтинмяки (в районе современного поселка Кротово в Приозерском районе Ленинградской области) в северо-восточной части Карельского перешейка, где Теодор Швиндт в 1886–1888 годах открыл 20 захоронений [Schwindt 1893: 51–81, 98, 99]. В течение четырех полевых сезонов в Кюлялахти были открыты 93 захоронения (91 ингумация и 2 предполагаемые кремации). При них в 51 случае были обнаружены различные артефакты: украшения и детали костюма. Таким образом, изученный могильник является крупнейшим в регионе не только по количеству открытых захоронений, но и по количеству захоронений, при которых обнаружены артефакты.

Несомненно, не только количественные показатели делают этот памятник исключительным. В археологии средневековых погребальных древностей Карелии впервые столь ярко представлены материалы XIV–XV веков, позволяющие сделать ряд принципиально важных выводов, касающихся развития погребальной обрядности населения региона.

На всей изученной площади могильника были расчищены отчетливые надмогильные сооружения из крупных валунов, представлявшие собой овальные в плане, замкнутые выкладки, вытянутые по линии запад–восток, часто с некоторыми отклонениями по линии юго–запад — северо–восток. По краям, то есть на западном и восточном краях, были использованы более крупные камни, в некоторых случаях таким ограничением служили скальные выходы или огромные валуны, очевидно, не перемещавшиеся при создании надмогильных сооружений. До археологических исследований этого комплекса в Карелии отдельные подобные сооружения были известны

в единичных случаях на некоторых памятниках [Schwindt 1893: 107–108]. Данный обряд ярко выражен в могильнике и находит аналогии в более южных районах Новгородской земли. Речь идет о так называемых «жальниках» — грунтовых труположениях под небольшой насыпью или позднее — без какой-либо насыпи, отмеченных по периметру каменными оградками круглой, овальной и прямоугольной форм. Такие могильники особенно характерны для западных районов Новгородской земли, Ижорской возвышенности, Причудья, Полужья [Спицын 1896]. Обряд, зафиксированный в могильнике Кюлялахти, является, по крайней мере, синхронным подавляющему большинству жальников северо-запада Новгородской земли.

Относительно происхождения такой погребальной традиции в историографии пока не сложилось единого мнения. Можно выделить четыре основные гипотезы: первая связывает происхождение «жальников» с внутренней эволюцией курганного обряда и постепенным исчезновением насыпи, что происходит в процессе усиления влияния христианства; вторая относит их к погребальной обрядности местного «субстратного» населения; третья связывает их появление с миграцией населения с территории Мазовии; согласно четвертой «жальники» не связаны с каким-либо этносом, а являются погребальными памятниками собственно христианского населения [Спицын 1903: 14, 16; Третьяков 1970: 151; Седов 2000: 7–22; Valk 2010: 109]. Как бы то ни было, можно полагать, что единого источника у данной традиции не было, и в разных частях Северо-Запада под влиянием локальной культурной ситуации она имела свои особенности развития.

В Карелии же появление таких памятников в XIV веке вполне ожидаемо. Данная обрядность не входит в принципиальные противоречия с обрядностью предшествующего периода, отраженной в грунтовых могильниках, изученных Т. Швиндтом в основном в 1880-е годы, и не является радикальной инновацией, хотя, видимо, не эволюционирует непосредственно из нее. В Кюлялахти в XIV веке и позднее погребальная обрядность находится под контролем церковной администрации, о существовании которой известно из летописного сообщения 1396 года о сожжении церкви и берестяной грамоты № 278. Именно поэтому, на мой взгляд, в могильнике присутствует столь отчетливая унификация обрядности, в отличие от более ранних памятников, отличавшихся удивительным разнообразием. Обряд, отраженный в способе расположения тел умерших, также свидетельствует о позднем периоде функционирования могильника.

В отличие от значительной части погребений конца XII — начала XIV века, совершавшихся (хотя и несинхронно) в одной большой яме, в могильнике Кюлялахти все погребения индивидуальные, за двумя исключениями (погребения № 32 и 33 и 57а и б). В подавляющем большинстве случаев здесь были прослежены остатки гробов в виде полос или участков древесного тлена над и под костяками, вдоль стенок могильной ямы. Все погребенные были расположены в вытянутом положении на спине, чаще всего руки скрещены в районе груди или таза, ориентированы по линии юго-запад — северо-восток, головой на юго-запад.

Наряду с этим наличие украшений или деталей костюма вовсе не свидетельствует о «нехристианстве» оставившего могильник населения. Однако в связи с этим следует отметить, что ни в одном из погребений изученного могильника не было обнаружено ни одного нательного крестика или иконки, что представляется довольно странным, учитывая общий характер памятника. Пока можно предложить два объяснения этого факта: либо предметы личного благочестия были деревянными и не сохранились, что маловероятно, поскольку ясно, что другие предметы из цветных металлов высокого качества эти люди могли себе позволить, либо традиции положения к погребенному предметов личного благочестия в данном социуме не было. Пока этот вопрос остается открытым. Все же представляется очевидным, что это христианское население, в материальной культуре которого проявилось локальное своеобразие, развивающее традиции предшествующего периода.

Источник «жальничной» традиции следует искать вне пределов Карелии, в связи с чем обращают на себя внимание могильники на Ижорском плато. Помимо обрядности, важной чертой, позволяющей проследить аналогии в указанном регионе, являются особенности элементов женского костюма, зафиксированных в ряде погребений могильника Кюлялахти. Это в первую очередь наличие многобусинных височных колец и серег. Многобусинные височные кольца являются одной из поздних серийных категорий изделий, известных в могильниках, преимущественно жальничных. Это явление связано с распространением «городской» моды на сельскую округу, когда такого рода изделия становятся чрезвычайно популярными и часто используемыми в женском уборе. Между тем, сомневаясь в «этноопределяющей» характеристике многобусинных височных колец именно для воды, не следует упускать из виду, что их концентрация в курганно-жальничных могильниках центральной части Ижорского плато несомненна.

Следует отметить, что для женского убора средневековой *корелы*, известного по комплексам грунтовых могильников, которые могут быть датированы в целом XIII веком, какие-либо височные украшения — кольца или серьги — не были характерны. Это существенно отличает эстетические пристрастия средневекового населения региона, выраженные в составе вещевого комплекса, от населения более южных территорий, пусть даже этнически родственного. В XIV веке ситуация меняется. По материалам погребальных памятников, в достоверных комплексах этого времени в женском погребальном уборе отсутствует весь комплекс нагрудных украшений более раннего периода: парные овально-выпуклые фибулы, третья круглая брошь и соединенные с ними более мелкие детали: цепедержатели, Ф-образные пронизки, цепочки. Этот комплекс заменяется культурно сивелированным убором, в котором особое место занимают височные украшения. Механизмы этого процесса — изменения моды — мы можем реконструировать пока только гипотетически.

Однако постоянно увеличивающееся, особенно в последнее время, количество находок украшений «карельских типов» на территории Приневья

и Ижорского плато (Кирстино, Ратчино) позволяет определенно ставить вопрос об изучении брачных связей населения этих регионов и Карелии по археологическим материалам. Речь идет не об абстрактном «влиянии карельской материальной культуры», по определению А. И. Сакса [Сакса 2008: 131], а о вполне конкретном проявлении весьма древней, надо полагать, устойчивой традиции семейно-брачных взаимоотношений населения указанных культурных областей. Возможности изучения внутренних брачных связей отдельных коллективов убедительно показаны исследованиями А. И. Сакса на материалах могильников Кекомьяки и Тонтинмяки на Карельском перешейке [Сакса 2010: 294–295]. Вполне вероятно, что распространение «общеновгородского» женского убора в Карелии происходило не только и не столько опосредованно через торговые, к примеру, контакты, но непосредственно вместе с его носителями, женщинами из более южных территорий, вступавшими в брак с местными мужчинами. Они были погребены здесь, но в собственном уборе, характерном для той местности, откуда они родом. Это же социальное явление в определенной степени подтверждается находками типично карельских украшений в погребениях вне собственно древнекарельской территории: Мишкино в Южном Приладожье, находками на Ижорском плато и даже Костромском Поволжье, в Пьяньково [Третьяков 1931: 20; Рябинин 1997: 188–190, рис. 50–1–3].

Еще одной яркой чертой в материалах могильника Кюлялахти являются находки североцентральноевропейских импортов: серебряных кольцевидных фибул разных типов, подвески, ножа с серебряными оковками, застежек-аграфов, некоторых типов перстней. Наличие их в карельских комплексах свидетельствует о сохранении в материальной культуре устойчивых тенденций, проявившихся в более ранний период, а также о направлении внешних связей. Проведенная процедура датирования ряда комплексов могильника не выявила противоречий в датах как по центральноевропейской, так и по новгородской хронологическим шкалам. Также не было выявлено и «запаздывания» европейских импортов. Это является прямым свидетельством, что их поступление было динамичным и непрерывным, несмотря на политические коллизии XIV–XV веков.

Для материальной культуры средневековой *карелы*, начиная с ранних этапов ее развития, была характерна определенная эклектичность, когда вещи или, к примеру, мотивы орнамента явно импортного происхождения, как западного, так и восточного, находили свое органичное место в комплексе местных украшений. В других случаях форма или мотив импортов творчески перерабатывались, определяя своеобразие местной культуры. Та же эклектичность культуры продолжает существовать и в XIV–XV веках, хотя становится более снивелированной и приобретает общесевероевропейский характер. Карелия в это время остается пусть периферийной, но органической частью Балтийского мира, объединяемого Ганзой.

Наконец, материалы погребений могильника Кюлялахти, несмотря на инновации в женском погребальном уборе и наличие многочисленных импортов, со всей очевидностью демонстрируют преемственность с культурой

предшествующего периода. Более того, ее развитие теперь можно проследить в динамике. Основным индикатором здесь служит женский погребальный убор.

Как в мужских, так и в женских погребениях ворот одежды (уже не парадной, а, весьма вероятно, предназначенной именно для погребения) скреплялся только одной кольцевидной фибулой или пуговицей. В качестве последних могли служить разнообразные серебряные изделия. Но при этом другие характерные для средневекового комплекса *корелы* артефакты в погребениях Кюлялахти были представлены. К ним относятся: биспиральные цепедержатели (погребения № 54 и 59), Ф-образные пронизки разных, в том числе неизвестных ранее, типов (погребения № 30, 33, 58, 63), бронзовая орнаментированная рукоять ножа (погребение № 59), разделители ремней (погребения № 33, 59), «сердцевидная» подвеска (погребение № 61), орнаментированные бронзовые оковки ножен и копоушка (погребение № 30). Сохраняются в costume и такие характерные элементы, как разнообразные металлические бусы и расшивки бронзовыми спиральками. Но наиболее удивительной и впервые встреченной в материалах грунтовых погребений эпохи Средневековья Карелии чертой женского погребального костюма явилось использование перечисленных выше вещей не в комплексах нагрудных украшений, как в предшествующий период, а в составе своеобразных сложносоставных поясных привесок. Трансформация древнекарельского костюма, произошедшая в XIV веке, заключалась в том числе в том, что комплекс нагрудных украшений перемещался на пояс, закреплялся на нем с помощью поясных колец и свисал вдоль бедра параллельно ножам (рис. 128, 129). Более того, предметы, которые помимо украшения ранее выполняли и практическую функцию — цепедержатели, теперь ее утратили и стали только украшениями, завершая комплекс поясных привесок (погребения № 54 и 59) (рис. 128).

Как и почему происходит такое «перемещение» комплекса украшений в древнекарельском costume — тема для отдельного серьезного исследования в будущем.

Таким образом, материалы могильника Кюлялахти свидетельствуют, что своеобразная материальная культура средневековой *корелы* вовсе не завершается в начале XIV века. Могильники, изученные преимущественно Т. Швиндтом в 1880-е годы, которые ранее в историографии рассматривались как собственно карельские, ввиду полученных новейших данных, а также хронологических разработок представляют собой узколокальный и узкохронологический феномен и могут быть отнесены лишь к одному из этапов развития этой культуры. Материалы, полученные в результате раскопок на могильнике Кюлялахти в контексте уже известных, немногочисленных данных, дают основание для выделения еще одного периода существования самобытной материальной культуры летописной *корелы* с XIV по XV столетия включительно. Единственным путем, который позволит детально проследить намеченные процессы, будет интенсификация полевых археологических исследований в регионе.